

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Максим
Досько**

Лабрум

ТЕКСТ СОДЕРЖИТ
18+
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Максим Досько
Лабрум
Серия «Библиотека
драматургии Агентства ФТМ»

Текст предоставлен правообладателем

Лабрум: ФТМ; Москва; 2018

ISBN 978-5-4467-3256-2

Аннотация

Лабрум (или зона отчуждения) – такое название носит территория, включающая в себя бывшую Беларусь и относительно небольшие территории Польши, Литвы, Латвии, Украины, бывшей России. То, что когда-то было Россией, в пьесе Досько перерождается в ОР – Объединённую Русь, год описываемых и упоминаемых событий неизвестен. Бóльшая часть текста – фрагменты дневника немецкого журналиста, прорвавшегося для расследования на закрытую территорию Лабрума. День за днем, часть за частью словами героя перед нами разворачивается картина города – бывшего Минска – так ненавязчиво, но ясно напоминающего «Метрополис» Фрица Ланга.

В книге присутствует нецензурная брань.

Содержание

Дневник	7
День 4, вечер.	12
День 5, утро.	14
День 5, вечер.	15
День 6.	17
День 7.	19
День 8.	20
День 9.	21
День 11.	23
День 12.	24
День 13.	25
День 14.	30
15.	33
16.	34
17.	38
18.	41
19.	45
20.	51
21.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Максим Досько

Лабрум

Дневниковые записи и фотографии середины – конца двадцать первого века с территории восточно-европейской зоны отчуждения («Лабрум»). Материал опубликован в рамках второй международной научно-практической конференции «Стратегии развития и методология современной исторической науки».

Данный материал может иметь археологический интерес для исторической науки, поэтому текст публикуется дословно и к нему прилагаются копии всех найденных с ним фотографий. Текст представляет собой дневниковые записи журналиста, проникшего на закрытую территорию, фотографии же сделаны местным жителем. Дневник был найден в виде рукописи на бумажных носителях разного размера и качества, все листы пронумерованы и каталогизированы, хранились в нескольких полиэтиленовых пакетах. Из-за неблагоприятных условий хранения и невысокого качества бумаги некоторые листы разрушены частично или полностью, фотографии же сохранились очень хорошо, так как были герметично упакованы плотной полиэтиленовой пленкой. Начало дневника утеряно полностью, вследствие этого невозможно установить точную дату проникновения на закрытую территорию, также в нем отсутствуют и данные об авторе, но лич-

ность его удалось установить, вероятнее всего, это Кристоф Раух, немецкий журналист. Кристоф Раух (от рождения Леонид Шабловский) – по национальности этнический белорус, родился в две тысячи тридцать втором году в городе Минске (в то время – столица Республики Беларусь, чуть позже – территория бывшей Объединенной Руси, сейчас – зона отчуждения), из-за известных событий, произошедших там, эмигрировал вместе с семьей в возрасте шести лет в Германию (Берлин), после смерти отца сменил имя и фамилию, работал журналистом в немецкой газете «Цайт».

Информация, которую можно почерпнуть из этого материала, не является сколь-нибудь эксклюзивной, более того, она и не полностью достоверна, но все же многие факты, в нем описываемые, сейчас нашли свое подтверждение, общеизвестны историкам и общедоступны. Однако при всем этом материал представляет большой интерес как сведения от непосредственного участника, очевидца. Возможно, он поможет как-либо активизировать работу историков, поскольку за последнее время не было проведено достойных и серьезных исследований, касающихся восточно-европейской зоны отчуждения, а информации стало доступно существенно больше. Прикрепленные фотографии окажутся, несомненно, полезными в научной работе, в силу того, что имеется крайне мало хорошо сохранившихся снимков с закрытой территории. Кроме того, оригиналы фотографий представляют также и культурную, художественную

ценность, что подтверждено соответствующими специалистами.

Следует отметить, что публикация дневника не нарушает прав личности и моральных норм, так как записи не носят личного и интимного характера.

Как уже было указано выше, некоторые страницы дневника утеряны, некоторые не удалось восстановить, прочесть, поэтому часть текста отсутствует. Такие фрагменты обозначены символом «[...]».

Дневник

[...]

Я решил вести рукописный дневник уже постфактум, после того как попал на закрытую территорию. Несколько часов назад мне удалось невероятными усилиями пересечь границу, которая, к слову, очень хорошо охраняется. Изначально планировался видеорепортаж, но камера вышла из строя, точнее даже не включилась вовсе. Конечно, я предусмотрел, что камера может быть сломана или утеряна при пересечении границы, и взял запасную, компактную. Но не работает и она... Возможно, удастся починить хотя бы одну из двух камер, хотя в этом я очень сомневаюсь, потому что помимо этого не работает вообще никакая электроника, которая есть у меня с собой: ноутбук, спутниковый телефон, навигатор, фотоаппарат, диктофон, радиационный дозиметр. Из всего пока работают лишь наручные электронные часы, но, по-видимому, и они испорчены, так как стали явно отставать. Поэтому не смогу указывать точное время записей и событий. Выше указана дата, когда я выехал из Берлина, сейчас уже пошел четвертый день моей экспедиции (сутки добирался до границы, двое суток пришлось ждать удобного момента, только сегодня рано утром чудом удалось прорваться). С собой есть небольшая записная книжка и немного другой бумаги (некоторые документы, карты, бумага для

гигиенических нужд), пока буду вести записи на том, что есть, максимально экономно. Дневник намерен вести с той же целью, с которой планировалось снимать видео. [...] Известно несколько десятков случаев проникновения людей на территорию зоны, но, насколько я знаю, никому еще не удалось вернуться или им вернуться не дали, по крайней мере достоверных свидетельских показаний об этом нет. Полученная мной информация, пусть лишь и в форме рукописного дневника, окажется крайне важной для интересующихся и небезразличных людей.

[...]

В узких кругах эту закрытую территорию называют сейчас «Лабрум» (Labrum). Это название предложил профессор Дорнер, и оно заменило официальное кодовое обозначение территории. Как известно, любые самовольные исследования темы, распространение информации, публичные обсуждения и тому подобное запрещено, что вот уже многие годы вызывает недовольство в академической среде, так как это определенно нарушает свободу слова и право на свободное получение знаний. Но в Германии, как и в подавляющем большинстве стран мира, тема Лабрума относится к сфере государственной безопасности, что позволяет пресекать любые действия без объяснения причин. Конечно, подпольно информация передается, есть интересующиеся, тема изучается, однако до сих пор нет главного – хоть каких-либо сведений очевидцев непосредственно с территории Лабрума. Про-

фессор Дорнер (это псевдоним, настоящее имя по понятным причинам здесь я указать не могу) является одним из наиболее осведомленных людей в этой области и вообще негласным руководителем научного подполья. Именно встреча и разговор с ним во многом и сподвигли меня отправиться в зону, в Лабрум. По мнению профессора, необходимо чтобы была полностью рассекречена информация о катастрофе и о том, что сейчас происходит на пострадавшей территории. Это позволит открыть глаза человечеству или хотя бы европейцам на неоспоримую пагубность стремительного развития технологий, в первую очередь в военной сфере. Человек уже не может угнаться за темпом им самим запущенного прогресса, не поспевает осмыслить его результаты, а если еще и использует эти результаты для войны, то сам же себе роет могилу. История человечества много раз доказывала, что невозможно построить мировое демократическое, свободное общество, если у кого-то из этого общества эксклюзивно есть оружие массового поражения, оружие способное уничтожить в один миг все живое на Земле. В то же время демократия невозможна и без свободы информации, что в последнее время попирается особенно часто.

Когда в начале – середине двадцать первого века чрезвычайно усилился так называемый научно-технический прогресс, началось стремительное развитие технологий, это воспринималось как безоговорочное благо, развитие человека. Но насколько быстро развивалась наука, настолько же

быстро деградировал человек. Прежде всего морально, нравственно, духовно (хотя эти определения уже устарели, но другие сложно подобрать). Современного человека в целом можно охарактеризовать как эгоиста, потребителя, лентяя, равнодушного, алчного, злого. [...] Нам так долго твердили о ценности отдельного человека, личности, что каждый стал ценить себя, свою волю только в одностороннем порядке, есть «я», но нет «мы». Такое понятие, как толерантность, утрачено напрочь, и [...]

Я родился в стране, которой на политической карте сейчас уже не существует – в Республике Беларусь. Через два года после эвакуации нашей семьи территория страны вошла в состав образовавшейся Объединенной Руси. Сейчас это закрытая территория, зона отчуждения. Поэтому у меня нет родины... Кто в этом виноват? Виновны и те, и другие, и третьи, виновны все! Преступный режим сформировал ОР, но разве не таким же преступлением было допустить это. Теперь же никакими переговорами, уговорами, перемириями, рукопожатиями не удастся снизить градус постоянной напряженности. Нет войны, но нет и согласия. Однако касаясь того, что я писал выше о торможении развития человека – здесь полнейший паритет во всем мире...

[...]

Лабрум с самого начала официально представляют лишь как территорию пострадавшую в результате экологической катастрофы, хотя ни разу ее причины названы не были. Есть

вот такое место в центре Европы, там произошла некая авария, жить там нельзя – и все... А что, почему, как?... Нельзя, секретно, запрещено...

[...] так почему же большинству все это безразлично, они не хотят об этом думать, откуда это добровольное самоограничение, изолирование в себе.

Да, я рискую, наверное очень сильно рискую, возможно здесь действительно опасно находится, возможно радиация, все кругом отравлено, но не вижу другого пути для себя. И вообще, моя смерть не принесет никому большого горя.

День 4, вечер.

Я буду двигаться пешком вглубь территории по направлению к бывшей столице Беларуси – Минску, ориентируясь по бумажным картам и магнитному компасу (работает нестабильно: иногда стрелка начинает дребезжать и совершать хаотичные колебания). Лучше было бы, разумеется, с цифровым навигатором, по картам могу что-нибудь напутать, заблудиться, но выбирать не приходится, буду стараться быть внимательнее. Почему направляюсь в Минск? Потому что из имеющихся сведений профессора Дорнера это единственное место в Лабруме, где еще живут люди, мне нужны свидетели.

На расстоянии пяти – семи километров от границы начал проявляться рыжий туман и чувствоваться запах металла (привкус во рту), что подтвердило имеющуюся информацию. Туман – нечто вроде очень мелкой пыли, неразличимой глазу, имеет оранжевый оттенок, становится плотнее по мере удаления от границы, скрывая небо и диск солнца. Какую природу он имеет – непонятно, нет возможности это определить, предположительно – что-то химическое, какое-то испарение, загрязнение или подобное. Известно, что он не смертелен, не вызывает мгновенной смерти, но не исключено, что ядовит и может отравлять организм.

Пока свидетельств жизнедеятельности людей не видно совсем, практически сразу у границы начался густой смешан-

ный лес. Растительность дикая, буйная, тем более сейчас лето, зелени очень много, не замечено признаков мутации или увядания. При этом животный мир, судя по всему, скуден, за сегодняшний день мне попало на глаза всего несколько небольших птиц, насекомых тоже мало (в основном мухи и гнус).

День 5, утро.

Ночью было очень не по себе, скажу прямо – страшно, так и не уснул. Хоть морально готовился к тяжелым условиям, но в таком дремучем лесу, без людей, а их не встречу еще долго (встречу ли вообще?), одолевает жуть. Когда стихает ветер, то наступает глухая тишина, не слышно никаких посторонних звуков, словно животных нет абсолютно, ни шабуршания, ни кваканья, ни чириканья, ничего такого, даже комары не звенят, а ведь лес – должны быть. Не знаю, дикие животные, конечно, опасны, но вот такая глухая тишина еще страшнее. Днем хотя бы есть эти мелкие птицы, иногда муха прожужжит, а к вечеру все совершенно затихает – и ты один, может на сотни километров. Испытываю колоссальное нервное напряжение, кажется, на фоне этого появляются галлюцинации. Как будто что-то огромное наблюдает за мной, может быть это лес, может быть тут все же есть какое-то скрытое видеонаблюдение.

День 5, вечер.

Продолжаю путь в столицу. Из-за густой растительности это делать тяжело, дорог нет, они совсем заросли, строения тоже отсутствуют, точнее они полностью разрушены, только остатки. Рыжий туман оседает мельчайшей пылью на железных деталях и конструкциях, которые, правда, встречаются крайне редко, на других поверхностях осадка не обнаружено. Пыль оседает заметно, то есть визуально видно, как она постоянно оседает на металл, необычное явление, подобного ранее не видел, но с металла, очевидно, пыль испаряется, потому что толщина слоя обычно небольшая и постоянная, а должно ее быть огромное количество при таком постоянном движении.

Наверное, стоит рассказать, как проник в Лабрум, довольно остросюжетная и детективная история. [...] и вот мы уже увидели Стену, если бы не Майер, не представляю, как бы мы преодолели посты десятикилометровой, а тем более пятикилометровой зоны. Стена по-настоящему огромна, ее высота не меньше двадцати метров, с семиэтажный дом, это глухой бетонный забор по всему периметру зоны, вверху есть довольно массивный карниз, он свисает как губа, каждые пятьдесят-семьдесят метров на конце стены торчат прутья, длинные штыри, вероятно, они формируют магнитное поле там наверху (дополнительная защита и сигнализация). Сейчас

мы втроем переодеваемся в форму наших пограничников, Майер прощается и идет назад подчищать за нами следы. Направляемся к русским пограничникам. По легенде в пятикилометровой зоне постоянно что-то движется и мы, пограничники Альянса, хотим узнать нет ли с их стороны каких-либо необоснованных действий или это всего лишь дикие животные. [...] я бегу со всех ног, чтобы догнать поезд, это единственный шанс, не догнать его сейчас – значит все испортить, провалить, когда только на то, чтобы узнать время отправления состава, было потрачено несколько месяцев работы десятка людей. [...] Вот он мост, сейчас за поворотом поезд начнет набирать скорость, мешкать нельзя. Прыгаю, скатываюсь по обрыву, еле успеваю остановиться, чтобы не свалиться в реку.

День 6.

Появляются сомнения, смогу ли пешком дойти до Минска... Продуктов мало, есть здесь нечего, если бы была осень, то можно было бы поискать каких-то фруктов, ягод, грибов, но сейчас не сезон.

Сегодня проходил через город (это бывший Гродно) – полнейшее запустение. Почти все разрушено, редко встречаются остатки зданий, да и то не более одного – двух этажей, похоже, разрушали специально и тщательно, укатывали катками. Если не знаешь – никогда не скажешь, что здесь был довольно большой город, по сути, сейчас это уже просто лес. Что удивляет – там нет никакого мусора кроме строительного, есть битый кирпич, бетон, стекло, железо (железных конструкций мало), а бытового ничего нет, остатков мебели, интерьера, бумаги, пластика, одежды, каких-нибудь вещей – ничего этого нет. Я надеялся найти что-нибудь полезное, например бумагу, картон или что-то такое, но бумажного мусора не было вообще, ни кусочка, ни обрывка. Как будто античный ископаемый город...

Думал заночевать в городе, найти более-менее сохранившиеся руины, но, когда начало темнеть, там оказалось еще более жутко, к лесу я хоть немного уже привык, хотя и город-то весь зарос, но все равно в нем ощущалось давление какой-то прошлой беды, катастрофы. Кстати, в Гродно я ни-

когда раньше не был, сейчас вот первый раз...

День 7.

Есть надежда на дорогу, выходящую из Гродно. Единственная пока дорога, по которой может передвигаться транспорт. Километрах в тридцати от города дорога стала еще лучше, за ней явно следят, она не заросла, еще осталось асфальтовое покрытие. Надеюсь, здесь можно встретить транспорт. Направление дороги на восток, буду идти по ней.

День 8.

Продолжаю идти по дороге. Продукты на исходе, совсем мало воды.

День 9.

Опять одолевают сомнения по поводу целесообразности всего замысла. Если я не встречу какой-либо транспорт, то не смогу добраться до Минска, я не дойду, не хватит пропитания и сил.

Сегодня утром был небольшой дождь, поднялся ветер. Странно, но ни дождь, ни порывистый ветер никак не повлияли на туман, следовательно, это не просто пыль. Ухудшения моего физического состояния, здоровья пока не наблюдается, ничего такого я не ощущаю. Хотя нет, появился несильный кашель, но это, скорее всего, обычная простуда, все-таки ночую на открытом воздухе, а признаки простуды были еще до отправления сюда.

Не знаю, может, надо было просто жить, зачем мне все это нужно, тем более ради кого... Если сейчас я погибну, так ничего и не узнав, то какой смысл всех этих усилий, стремлений и всей этой философии о человеке. В таком случае живя обычной обывательской жизнью, я бы принес больше пользы. Мне всего тридцать семь, еще можно помириться с Гретой, мы могли бы иметь детей. Что уж такого я здесь хочу найти? Доказательств бесчеловечности, преступлений, какого-то всеобщего греха? Так этого хватает и без Лабрума, этого уже столько накопилось, что давно прет через край. Или может наоборот, я хочу встретить тут каких-то высокород-

ных людей, новую расу? Ага, да, которые, еще и по воздуху летают, в драконов превращаются – смешно и грустно... Вполне возможно, что мне встретятся только еле живые и умственно отсталые доходяги, если тут вообще есть люди, информация может ведь и не подтвердиться. По поводу растительности утверждалось, что она «вероятнее всего хилая, мутировавшая, вымирающая», а тут вот такие заросли... По-моему, я начинаю понимать этих обывателей, которых сам же и ругал: живи себе спокойно да и все, главное меньше думай о смыслах, а больше о пользе и не делай никаких выводов. Если вот так вот подумать, взять и людям от рождения оставлять только часть мозга, ту малую часть, что отвечает исключительно за жизнедеятельность, насущные вопросы, так, может быть, тогда мы будем счастливее, животные, обезьяны те же, наверное всегда счастливы. Может быть, наша мыслительная работа, наш разум человеческий – это всего лишь рудимент, так сказать, ошибка природы?

День 11.

Надежды нет. Сложившаяся ситуация не сулит ничего хорошего. Похоже, это смерть. Зачем?

День 12.

Наконец хоть какие-то изменения, пожалуй, еще не все кончено. Стали появляться примыкающие дороги, по которым, судя по всему, иногда ходит транспорт, они почищены, убраны, асфальт стал лучше. Сократил до минимума питание и особенно потребление воды, запасов катастрофически мало. Привык к лесу, вообще-то в нем спокойно, безмятежная вечность, прошлую ночь спал смело и отлично выспался. Туман все плотнее и плотнее, более рыжий, до сих пор не могу охарактеризовать его, как будто воздух окрашен матовой краской.

День 13.

Дорога, по которой шел все эти дни, вывела на более широкое шоссе, здесь точно должен ходить транспорт.

[...]

Все же грузовик остановился. Сначала я впал в ступор, стоял и не решался подойти – что же меня ждет и что я увижу... Пересилил себя, подошел, открыл пассажирскую дверь, в кабине сидел вроде самый обычный человек, мужчина лет сорока. Я несколько растерянно спросил, может ли он меня подвезти. Водитель, не поворачиваясь и не смотря на меня: «Куда?»

Я: «До Минска».

Он: «До города?»

Я: «Если вам по пути, то до города, да».

Он, медленно, с расстановкой: «Садитесь. Но вы должны понимать, что я нарушаю должностную инструкцию, подбирая попутного пассажира и вообще останавливаясь по пути».

Мы поехали. Я решил не лезть с расспросами, не задавать лишних вопросов, боялся, что высадит вдруг, все-таки он несколько странный. И не понял его ответа, что он имел в виду, на что намекал, платить ему нужно или что... Дорнер оказался прав, люди здесь есть, и не мутанты. Водитель смотрел только вперед, на дорогу, двумя руками держа руль, не совершал никаких лишних движений, кроме управления ма-

шиной, и не проявлял ни малейшего интереса ко мне. Машина, к слову, была с двигателем внутреннего сгорания, что меня, конечно, удивило, на транспорте такого вида и конструкции передвигались в мое детство, в Германии такие только в музеях. Находясь в некотором напряжении, я украдкой, аккуратно рассматривал водителя боковым зрением. Он показался мне вполне обычным человеком, уж точно не мутант – мужчина в рабочем комбинезоне, ну а то, что молчит – ну мало ли, может просто характер такой. Что-нибудь спросить сначала опасался, да и не знал с чего начать. Какое-то время так вот молча и ехали, скорость небольшая, я уже и забыл, когда передвигался на транспорте с такой скоростью. Но хотелось хотя бы узнать, сколько ехать, осмелился спросить: «До Минска по времени долго?»

Он: «До города? А вам зачем?»

Что значит «зачем?» – я опять не понял его ответа...

Я: «Ну в смысле долго еще до города ехать?»

Он: «До закрытия продовольственных отделов успеем. А так если, то где-то полтора часа или два».

Больше вопросов я не задавал, потому что его было не понять.

Хорошо, что обнаружили люди, что это подтвердилось. И что есть Минск (по всей видимости, это тут единственный город). Биологически эти люди, судя по водителю, ничем не отличаются от нас, психологически – еще вопрос, вступить в контакт толком не удалось. Кстати, чуть не забыл, такой

момент, когда грузовик остановился, и я, после ступора этого своего, открыл дверь и заговорил, то по привычке, неосознанно начал по-немецки, несколько фраз успел сказать, пока опомнился, но водитель никак не среагировал на немецкий, просто сидел, не поворачиваясь, когда же я стал говорить по-русски, то проявил внимание (хотя так и не повернулся), потом ответил, то есть его несколько не удивил иностранный язык.

Мы все так же ехали и молчали. По времени, насколько я мог прикинуть ориентировочно, уже должен скоро был показаться Минск. Я подумал, что лучше сразу не ехать в сам город, а выйти за городом, осмотреться сначала с окраин, ведь совсем даже не знаю как себя вести и что там у них за общество. Натянуто улыбаясь, обратился к водителю с просьбой: «Можно меня высадить, не доезжая города километра три?»

Он: «Почему? Учтите, я нарушил инструкцию, подобрав вас, и не спрашивал, что вы там делали и почему пешком. И нарушать ее второй раз не собираюсь».

Тут я немного начал понимать его логику и уже без улыбки, дерзко ответил: «У меня тоже инструкция, но я не могу вам ее раскрыть».

Он: «Надо было сказать сразу. Хорошо, я остановлюсь».

Минут через двадцать он остановился, сказал только: «Три километра до города». Я ничего не сказал ему в ответ (не знал, что сказать, нужно ли благодарить) и вылез из машины. Когда вылез, обратил внимание, что водитель пер-

вый раз за все время немного повернулся в мою сторону и косился на мой рюкзак, показалось – он его боялся.

Минска пока еще не было видно и слышно, только густой, дремучий лес по-прежнему властвовал и теснил плотно дороги. Пошел ближе к городу, решил остановиться где-нибудь в километре от него. По пути мне встретилось несколько машин (три) и один автобус, очевидно, такой же старой конструкции, с двигателями внутреннего сгорания. Сойдя с дороги метров триста (чтобы не было заметно дыма от костра), выбрал себе в лесу место поукромнее, на небольшой светлой полянке, окруженной кустарником, разбил лагерь.

Буду ждать ночи и, как стемнеет, пойду к городу осмотреться. Но присматриваться долго не получится, в ближайшем будущем могу остаться голодным, так что надо действовать.

Сейчас думается, что не стоило описывать дорогу до Минска, бумага тоже может вскорости кончиться, а где тут ее искать потом, мусора все так же абсолютно никакого нет, хотя сложно выбирать, выделять какие-то события, отдельные мысли, определить что важнее, проще просто записывать все подряд, что кажется нужным или пришло в голову. Еще принял решение дальше писать не в прошлом времени, вспоминая, что было, а в настоящем, так мне проще воспроизводить события из памяти, хотя иногда и в прошлом лучше, в общем, стилистической грамотности не придаю большой значимости, важнее передать суть. И далее не буду обозначать

«День номер» и время суток, а просто писать число, которое будет указывать количество суток, прошедших с момента начала моей экспедиции в Лабрум.

День 14.

Вот он город. По периметру, где кончается лес – начинается насыпь, довольно высокая, метров десять – пятнадцать, земляной вал, вероятно, идет кольцом вокруг всего города, поэтому отсюда я вижу лишь освещенное небо и слышу шум транспорта. Но город там, он существует! Вчера дошел только до этого вала, побоялся, что насыпь для охраны и может сработать сигнализация или заметят следы, если лезть. Однако лезть все равно надо, дождался вечера, чтобы, набравшись смелости, сделать вторую попытку. Еще немного постою и рискну. В сам город пока не пойду, не сегодня точно, на сутки провизии должно минимально хватить, лучше как следует осмотреться. Воду же приловчился добывать из луж и небольшого озера (большая лужа) в лесу – отравления не наблюдается, а другого выбора, чем утолять жажду, попросту нет. В озере удалось даже слегка искупаться, ополоснуться. Вода на первый взгляд и вкус обычная, ожидаемо чуть пахнет болотом, других посторонних привкусов не ощущаю. Заметил, что над озером туман слегка плотнее и есть едва уловимое восходящее движение, но на воду пыль не оседает, никаких инородных частиц в ней не видно, кроме песка и обычного лесного мусора (отфильтровываю это через фильтр, сделанный из рубашки).

[...]

Лезу на этот вал,

[...]

Хорошо, что я не среагировал на оклик! Почти уверен был, что это охрана, что меня заметили. Лежал, уткнувшись лицом в землю, и ждал выстрелов. Но их не последовало, голоса удалялись... Поднял голову: это была компания молодых людей, два парня и две девушки, они пришли со стороны города, перелезли насыпь и пошли в лес. Почему-то у меня в голове сложилось такое ощущение, что люди из города не могут выходить в лес, покидать границу города, не знаю, почему так подумал, и вот из-за этого был невнимателен, а сейчас еще волнуюсь за свои вещи там в лесу, особо ведь не прятал, да и костер, наверное, еще дымит. Правда, они направились левее моего лагеря. [...] после вала метров триста – пустырь, и дальше начинается непосредственно город. Лежу, смотрю на город, отсюда все неплохо просматривается. Картина в чем-то мистическая. Вот он какой, он есть, здесь живут люди! Бетонный, ровные одинаковые дома, семи-, девяти-, двенадцатиэтажные; деревьев нет, газонов тоже не замечаю отсюда; он не бурлит, как наши мегаполисы, очень тихий, движение есть, но транспорта и людей не много; все как-то заторможенно, машины движутся медленно, люди идут медленно, причем ходят они несколько прямоугольно, будто по четко заданному маршруту; есть светофоры, дорожная разметка, но не видно вывесок магазинов, чего-нибудь такого, рекламы; сейчас уже темнеет и в окнах появля-

ется тусклый желтый свет. Серый бетон, черный асфальт, и все это покрывает рыжий туман, который тут кажется еще плотнее. Какое-то неторопливое, сонное существование, погруженное в ржавое болото. И пахнет тухло, вроде по-болотному, но не так, как в лесу, запах ближе к химическому, чем к природному.

15.

Раньше боялся леса и одиночества, теперь боюсь людей, а в лесу наоборот чувствую защиту. Ночью почти не спал, прислушивался, ждал, вдруг кто-нибудь идет, вдруг меня обнаружат, вдруг ищут... Может быть, зря не взял с собой никакого оружия, хоть спокойнее было бы.

Побаиваюсь идти в город. Жизнь там явно отличается от нашей, явно имеет иной уклад. Впрочем, выбора уже нет, утром с нервов доел все те крохи, что оставались, надо пополнять запасы. Сегодня останусь голодным, но еще не пойду, буду более обстоятельно осматривать с бруствера окраины города, надо определить лучшее время, наметить цели, составить план.

А вообще говоря, уже есть чувство некой победы, результата, может и промежуточного, но результата. Дошел, добрался, жив, уже видел людей, город. Это что-то невероятное, не верится в то, что видишь, словно бы другое измерение, хотя отдаленно, в детских воспоминаниях город имеет сходство с теперешним, по крайней мере архитектура та же и транспорт из того времени.

16.

Лезу на вал. В том же месте, что и вчера, точно запомнил, где залезал, но нет моих следов, а наследил я порядочно, тем более ведь ползком. Может, все-таки это охранное укрепление. На всякий случай спускаюсь обратно и отхожу в сторону около пятидесяти метров. Вновь забрался наверх, осмотрелся: все спокойно, город по-прежнему такой же заторможенный и вязкий, внутренний склон насыпи чуть более крутой – аккуратно сползаю, чтобы не покатиться кубарем. Переживаю по поводу одежды, вдруг буду сильно выделяться. По пустырю иду быстро и пригнувшись, все-таки открытое пространство. Оглядываюсь по сторонам и назад, не привлек ли внимание, не наблюдает ли кто-нибудь, кажется, вот-вот должна раздаться сирена, и меня станут догонять, ловить. Приближаюсь к городу, вот он момент истины, сильно волнуюсь.

Ступаю на тротуар, ощущаю себя в некотором роде как астронавт на далекой, неизведанной планете, и по сюжету космического триллера сейчас ужасная, уродливая тварь внезапно должна схватить меня за ногу и потащить, и сожрать... Людей мало, в основном одеты в рабочую одежду, комбинезоны, но разные, неодинаковые, некоторые одеты вполне обычно, самая простая одежда, так что нормально, не буду так уж разительно отличаться. Здесь кругом сплошь

один бетон, все каменное, ни деревьев, ни газонов, ни травы, ни клумб каких-нибудь. Улицы освещены слабо, тусклый желтый свет редких фонарей. Люди, особенно те, что в комбинезонах, похожи по поведению на того водителя грузовика: смотрят перед собой, идут целеустремленно, как по намеченному плану, не глядя по сторонам, не проявляя эмоций, как роботы из фильмов, или как зомби. Те редкие, что одеты повседневно, ведут себя более раскованно, хотя в целом тоже неторопливо, обреченно как-то. Окна домов имеют затемненные стекла, поэтому свет из них тусклый, красновато-оранжевый, но большинство зданий, по-видимому, нежилые, там нет света совсем, а вокруг них нет уличного освещения. Вывесок магазинов, табличек, указателей, рекламы – ничего этого не видно. Один серый бетон, тусклый свет и зомбиподобные жители. Я, стараясь копировать их поведение, хожу по менее освещенным тротуарам, аккуратно приглядываюсь, сегодня нужно осмотреться, что и как, ну и вообще-то важно найти еду, кушать хочется уже нестерпимо. Обратил внимание, что люди слегка покашливают, периодически, не сильно, и вспомнил сразу о своем таком же кашле, на который уже не обращал внимания – значит, это отнюдь не простуда. Кстати, здесь совершенно отсутствуют металлические конструкции, чтобы туман где-то оседал, один бетон, камень и кирпич.

[...]

Где же все-таки магазин или склад... Мне кажется, этому

обществу кроме всего должно быть свойственно

[...]

и сразу пошел к этому скоплению, не просто так они толпятся. Ага, вот и первая вывеска, которую тут вижу: «Продовольственный отдел. Пункт выдачи № 17». А выше нее, над входом в этот пункт висят большие механические часы, стрелки показывают без пяти восемь, я так понимаю, «выдача» будет, наверное, в восемь. Вот только встает вопрос: как выдают, какие деньги, может быть по спискам, по документам?..

В восемь действительно началась выдача, открыли входную дверь и люди по очереди, по пять человек, входили внутрь и выходили с набитыми сумками. Становлюсь в очередь, посмотрим там внутри, по какому принципу выдают, потому что жрать охота зверски, только и сумки-то у меня никакой нет, не предусмотрел очевидного момента – буду надеяться на удачу... Рассматриваю людей в очереди: аккуратные такие, стоят ровно, организовано, молчат, слегка как бы сонные и безразличные; но замечаю и других, несколько личностей явно отличаются от остальных: более живые какие-то, развязные, переговариваются между собой, смеются даже, вместе с тем вид у них определенно нездоровый (мешки под глазами, припухшие лица, красноватые белки глаз). Интересно...

Вот я внутри. Это что-то наподобие магазина самообслуживания, выбираешь по-быстрому что тебе нужно, а на вы-

ходе надо показать контроллеру паспорт, просто развернуть его перед ним на странице с фотографией, никто не платит, касс нет – только показать паспорт. Вот тут я с благодарностью вспомнил одного парня из нашего политического подполья, который, когда меня собирали сюда, предложил сделать фальшивый паспорт жителя Объединенной Руси. Здесь именно такие паспорта, хорошо рассмотрел на входе, когда один из отоварившихся зомби развернул свой, и повезло, что паспорт я все время носил во внутреннем кармане куртки. С сумкой тоже повезло, на прилавке с картофелем, с краю лежало несколько пустых тряпичных мешков – схватил один и принялся напихивать туда себе запасы: хлеб, картофель, яблоки, консервы, замороженная курица, зеленый лук, колбаса, конфеты, печенье. В мешок влезло бы и еще, но все из моей группы уже отоварились и выходили, я последний оставался в зале, и, дабы не привлекать внимания, не нарушать порядка, тоже пошел на контроль, хватит и этого пока. Контроль прошел легко, не сомневался, что пройду, потому что контролеры не особенно-то рассматривали паспорта, больше как формальность это было.

Возвращаюсь к озеру, в лес. Следы, где я пересекал вал, опять были зачищены...

17.

На ночь плотно наелся и крепко спал. Продукты были самые обыкновенные, без посторонних привкусов и запахов. Зажарил на костре курицу целиком, почти всю сразу и съел. Сегодня вечером пойду опять в город, не знаю, как быть со следами на насыпи, ведь кто-то же их убирает, не просто так, постараюсь оставлять как можно меньше следов. Сейчас буду отдыхать, отъедаться.

Город меня впечатлил, обрадовал и огорчил одновременно. Он как будто вне времени, будто в ином измерении. Рад тому, что город существует, что в Лабруме есть жители, что это не пустынная территория, жить здесь можно, но, похоже, их государственный строй, социальный уклад, развитие далеки от идеала, все мне показалось в некотором роде угнетенным. Хотя я еще имею недостаточно сведений, информации, а то, что видел, возможно, лишь первое впечатление. Пока же это смахивает на какую-то тоталитарную систему с признаками коммунизма. В оценках надо учитывать еще и то, что, по слухам, Лабрум сейчас существует в качестве эксперимента, ну или в качестве эксперимента в том числе.

Раз документы здесь в хождении образца Объединенной Руси, то можно заключить, что ее правительство имеет непосредственный контроль над территорией и жителями. Официально Лабрум – зона отчуждения, ОР и Альянс совмест-

но контролируют ее западные границы, восточные же границы – только ОР, но территория эта никому не принадлежит. Жителей в зоне тоже не должно быть, официально здесь никто не живет. По сути дела, ОР нарушает договоренности, хотя не исключено, что имеет место сговор, негласное соглашение с руководством Альянса.

Чем в городе занимаются жители пока непонятно, на окраине что-нибудь типа заводов, фабрик, производств не заметил. Но большая часть людей была в комбинезонах, похожих на рабочую одежду. Хочется надеяться, что ОР лишь тайно вынесла опасные или вредные производства на закрытую территорию, а не проводит какой-нибудь эксперимент над людьми.

Также стоит отметить, что в основной своей массе люди были сходны как во внешнем виде, так и по поведению, в то же время были и явно отличающиеся индивидуумы. Думаю, именно с этим меньшинством отличающихся нужно налаживать контакт в первую очередь, они хотя бы на первый взгляд походят на обычных людей. [...] к тому же мне видится по меньшей мере странным отсутствие в городе растительности, да и вообще участков открытого грунта, все в асфальте и бетоне, нет и металлических конструкций. [...] это пока первые впечатления от увиденной небольшой части города, окраины.

Еще. Вероятно, жители страдают от кашля. Теперь стал обращать внимание и на свой кашель, кажется, он усилива-

ется. Первое, что приходит в голову – из-за тумана.

Жду вечера, чтобы опять отправится в город.

18.

Вчера был в городе где-то с шести до десяти вечера, потом все фонари разом погасли и темноте еле нашел дорогу обратно. Специально вышел раньше, пока еще было светло, чтобы по возможности лучше все рассмотреть.

Итак. Город, по всей видимости, остался таким же, каким был в мое детство, имею в виду здания, улицы, архитектуру, общий вид узнаваем, только нет деревьев, клумб, травы, он стал забетонированным. Кроме того, очень может быть, что я попал в район, где жил в то время, он назывался «Щемялица», не уверен пока, но очень похоже, все кажется знакомым. В следующий раз попытаюсь определить точнее, есть несколько мест, которые я хорошо помню из минского детства, надо проверить, а может, удастся отыскать и свой дом. Судя по всему, здесь не было сноса зданий, все осталось по-прежнему с момента эвакуации. Как уже отмечал, не все дома заселены, а лишь малая их часть, но незаселенные тоже имеют относительно досмотренный вид, постройки старые, тем не менее сколь-нибудь серьезных признаков разрушения нет. Люди живут более скученно, если дом заселен, то весь или почти весь, судя по свету в окнах, если же пустует, то света не видно нигде, некоторые улицы густо заселены, а на других – только пустые дома. Пока внутрь жилых домов не заходил.

Транспорта немного, весь с двигателями внутреннего сгорания. Как видно, имеется городской транспорт – небольшие автобусы, ходят редко, номеров нет, но останавливаются в определенных местах, оборудованных остановочных пунктах, которые впрочем тоже никак не обозначены. Собственно говоря, нет и других обозначений: ни названий улиц, ни номеров домов, ни зданий, ни направлений, ничего; единственные вывески, которые встретил: «Продовольственный отдел. Пункт выдачи № 17», «Хозяйственный отдел. Пункт выдачи № 17», «Отдел услуг. Пункт оказания бытовых услуг № 17» – они находятся недалеко друг от друга, время и дни работы не указаны. Мусора нет, очень чисто, словно бы стерильно, около жилых домов есть пластиковые контейнеры, в них в основном остатки продовольствия, отдельно еще стоят большие бетонные контейнеры с крышками, там – металлический лом. Как и в лесу, животных, птиц, другой живности в городе нет, не заметил ни собак, ни воробьев, ни голубей, ни крыс, да даже насекомых тут нет, даже и мух.

[...]

здание напоминает какой-то храм или культовое сооружение. Огромная усеченная пирамида где-то двадцать метров высотой, на массивном постаменте, со всех четырех сторон выступают портики с колоннами (по-моему, так называется этот архитектурный элемент, как бы выступ с крышей и опирается на колонны), видимо это входы, на самом верху здания возвышается большой равносторонний крест. Близко не

подходил, но, похоже, это новострой, не помню, чтобы оно здесь было в мое детство, тем более с таким крестом. Построено, как и все остальное тут, целиком из бетона, но цвет светлее, светло-серый, может быть, раньше здание было белым. Крест наверху, естественно, наводит на мысль о религиозном назначении сооружения, однако ранее я никогда не видел подобных, относящихся к христианской вере.

[...]

пять или шесть

[...]

Я не вызываю особого интереса у людей, то есть внимания на меня они не обращают, хотя моя одежда иного вида и загрязнена, а они в чистых похожих комбинезонах, да и, наверное, со стороны по лицу, по движениям, если присмотреться, то легко можно отличить во мне чужака, но ни одного косога взгляда на себе не словил, это, безусловно, мне на руку.

Не представляю, как можно жить с этим постоянным туманом, меня этот рыжий оттенок начинает угнетать. В городе нет деревьев, пространство относительно свободное, открытое, вчера был ветер около десяти – пятнадцати метров в секунду, порывами, может, и больше, то есть не слабый, между домами получался сильный сквозняк, я был уверен, что хотя бы немного туман должно разогнать, но нет: вся эта взвесь только как бы перемещалась и перемешивалась. Недалеко от моего лагеря лежит металлическая труба (диаметром около

десяти сантиметров, длиной – пять метров), на нее постоянно оседает пыль тумана, если ее взять и растереть пальцами, шевелить ладонью, то она быстро разлетается, кажется, испаряется, она очень легкая, как мука, еще мельче. Кашель, надо полагать, и есть от этой пыли. Не могу до сих пор сделать хоть какой-то вывод, что это такое.

Завтра выйду часа в три дня, засветло.

[...]

ну пусть будет так. Значит, по-другому не может быть или быть не суждено. Тогда это

[...]

19.

Скажу сразу – я нашел свой дом и квартиру...

Днем в городе людей практически нет, редкие пешеходы, и в основном это те самые, которые типа «не зомби», более нормальные. Свободная, расслабленная походка, некоторая осмысленность в глазах, то есть с большего человеческого вид, правда и помятые, замученные какие-то, наподобие наркоманов или алкоголиков.

Все так же никто меня не замечает, хотя, может быть, я давно уже под наблюдением, а это просто-напросто игра. Именно такой сон мне приснился этой ночью: как в бессознательном состоянии мне внедряют прямо в мозг электронное устройство для слежения и контроля, как потом записывают все мои действия и мысли, контролируют поведение, вижу все это со стороны наблюдающего, помещение такое с мониторами, приборами, на одном экране транслируется то, что вижу я, на другом – где нахожусь, на следующем – мой пульс, кардиограмма, то есть меня изучают, в конечном же итоге я становлюсь как те «зомби» и уже себе не принадлежу...

Сегодня осматриваю местность, ищу что-нибудь знакомое, за что может зацепиться память. Конечно, все совершенно иное, сейчас местность крайне однообразна – серый бесконечный бетон, но пытаюсь сопоставить по расположе-

нию зданий, компоновке. В моем дворе с одной стороны были три двенадцатиэтажки, они располагались лесенкой, одна из них – моя, посередине которая, остальную часть двора ограничивал кольцом семиэтажный дом-стенка, в нем было семь или восемь подъездов, въехать можно было либо через арку в семиэтажном доме, либо был еще проезд между моим и соседним домом. Семиэтажка изгибалась определенным образом, формой, это было похоже [...] здесь мне дома уже кажутся знакомыми.

Да, очень знакомо, если сейчас пройти между вон теми плотно примыкающими друг к другу домами, потом у одноэтажного здания (там был магазин) повернуть налево, то метров через пятьдесят должен быть мой двор. Волнительно, ускоряю шаг, даже побежать хочется – столько времени прошло, столько изменилось во мне и в мире, а все ж таки чувствуешь, что это родное место. Ага, вот магазин, вот дорожка, вот лестница, вот тут высокая береза росла, чуть не бегу... Это мой двор, ну точно он! Раз, два, три – лесенка двенадцатиэтажек, кольцо семиэтажки, арка, ну он, он! Во дворе, разумеется, ни тех каруселей, ни тех кленов, ни той классной горки-тоннеля винтом, просто ровная бетонная поверхность, как застывшее озеро. Тут, думаю, нежилые дома, потому что нет мусорных контейнеров и людей не видно.

Ну что ж, иду к своему дому, уже не сомневаюсь, что это он, из памяти всплывают картинки, как все здесь выглядело тогда. Вспомнился сосед с первого этажа, старенький дед, он

постоянно сидел на балконе, не выходил на улицу и со всеми, кто и сколько бы раз за день не проходил мимо – здоровался, мы, бывало, специально туда-сюда ходим, а он все повторяет: здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте – хоть сто раз пройди. Входная дверь в подъезд не заперта, оглядываюсь по сторонам, вхожу. Внутри чисто, темно, воеет сквозняк. Сначала стою, пару минут прислушиваюсь: тихо, никого не слышно, чтоб ходили. Иду по коридору на ощупь и в конце него натываюсь на дверь квартиры, надо, наверное, попробовать открыть, войти, сначала не решаюсь, страшно все-таки. Медленно, аккуратно нажимаю ручку – дверь не заперта, чуть приоткрываю и заглядываю, слушаю. Тусклый желтый свет внутри, вижу только, что обои на стенах есть, у входа стоит шкаф, но ничего не слышно, чтобы там кто-нибудь был. Ладно, так и быть – вхожу. С минуту стою в коридоре, дома никого нет, да и, скорее всего, здесь вообще никто не живет, кое-какая мебель есть, стены не голые, но квартира не жилая, как будто отсюда просто съехали. Может быть, еще с самой эвакуации тут все осталось так, интерьер вроде соответствует тому времени, однако вещей, мусора, хлама – ничего этого нет, пару шкафов, диван, стулья, светильники.

Выхожу, пойду искать свою квартиру, она на шестом этаже, с лифта направо и еще раз направо, трехкомнатная. Шахта лифта пустая, на лестнице железные поручни срезаны. Испытываю щемящее чувство, то, что называют ностальгией, бегу по лестнице, как когда с родителями наперегонки, кто

быстрее: они на лифте или я по лестнице – сейчас обгоню их и встречу довольный собой, а они будут меня хвалить, какой я спортивный у них и молодец, потом ловко открою электронный замок, прислонившись нагрудным карманом куртки, где карточка... Дверь в мою квартиру тоже не заперта, открываю ее будто с какой-то надеждой, что там все по-старому, что все хорошо, молодые отец и мать, наворачиваются слезы (хотя я обычно не сентиментален). Но в квартире никого нет, она такая же пустая, как и та, на первом этаже, здесь уже давным-давно никого нет. Вот наш большой раздвижной шкаф в коридоре, в спальне – кровать родителей и тумбочка, где стоял телевизор, в моей комнате – мой письменный стол и ортопедический стул (для исправления сколиоза), в гостиной – тот самый мягкий диван, где я чуть не свернул шею, исполняя сальто, на кухне – наш круглый стол, за которым легко помещалось много гостей, люстра эта на пружинке, ее можно опускать ниже. Заглянул в шкафы и тумбочки – пусто, а на кухне и в ванной нет сантехники, трубы срезаны. Та жизнь ныне кажется такой беззаботной, жили тогда, думается, лучше, несмотря ни на что, хорошее время было, искреннее что ли было, хотя, вполне возможно, это просто детские воспоминания, детский взгляд. Зашел в свою комнату, прилег на кровать, я, понятное дело, теперь и вполнину не влажу на нее, скрутился калачиком. Вот те обои с героями из мультфильмов, вот потолок со звездным небом, они должны светиться ночью, в темноте (накапливают свет за день), а вон

в углу самая большая звезда, когда не спалось, то она постоянно мешала. Захотелось уснуть тут, вернуться в то время и не просыпаться больше.

Естественно, я не помню уже, какая была обстановка, когда мы уезжали, то есть что именно оставалось, оставалась ли одежда, предметы. Думаю, что часть вещей все же из квартиры убрали после нашего отъезда, багаж у нас был небольшой, да и дверь-то запереть должны были, а она вскрыта, замка никакого нет, но это и не кража или вандализм – следов взлома нет, беспорядка нет. Окна заменены, они затемненные, темно-желтое стекло, и наглухо закрыты, запаяны, похоже, герметичны.

В квартире я чувствую себя несколько более защищенным и не таким одиноким, как-никак дома. Поэтому решил сюда переехать, разместиться здесь. Только воды, жаль, нет и костер не разведешь, но с водой, может быть, как-нибудь решится, посмотрю еще в продовольственном пункте выдачи, а сырого просто брать не буду, чтоб не готовить. Сделаю так: сегодня схожу отоварюсь в продовольственном и вернусь к озеру, переночую, соберусь и к обеду, когда людей меньше, выдвинусь сюда.

[...]

отчетливо слышен гудок-сирена, он доносится из центра города, троекратный гудок, сейчас что-то около пяти часов вечера,

[...]

Вполне может так случиться, что я первый человек извне, кто добрался до города, проникновения в Лабрум были, но ведь не известно никого, кто бы вернулся, мне уже несколько раз попросту повезло. Вообще, как подумаешь, поразмыслишь, то становится жутко, страшно и одиноко: цивилизация далеко, очень далеко, вокруг все иное, непонятное, постоянный туман неясной природы, и, главное, невероятных усилий будет стоить возвращение. Надо идти в центр, может, там что-нибудь прояснится, пока все смахивает на некую потустороннюю реальность с отголосками прошлого.

20.

Утром почувствовал недомогание, и состояние быстро ухудшалось. Началась диарея, головокружение, озноб. Наверное, отравился чем-то, вполне вероятно водой, так как пил и сырую из озера, бактерии через самодельный фильтр, разумеется, могли попасть, отравления и следовало ожидать. Сейчас не пойду на квартиру, переезд откладывается на завтра, если самочувствие нормализуется.

Лежу, серьезно проняло, встаю только в туалет. Пью толченый уголь из костра, никаких лекарств с собой не брал, из медикаментов у меня только бинт и йод.

21.

Вчера к вечеру немного отпустило, диарея прекратилась, понемногу приходил в себя. А утром, проснувшись, чувствовал себя уже вполне нормально, так что собрался и к полудню выдвинулся в город.

Сейчас понимаю, насколько самонадеянным поступком было пойти в зону с таким скудным снаряжением, не взял даже самых необходимых лекарств. К чему эта слепая самоотверженность...

До квартиры добрался без происшествий, на улицах пусто. Вселился, новосел... Вечером пойду в продовольственный отдел и основательно наберу продуктов, сырого и скоропортящегося, ясное дело, брать не буду. И надо узнать, как работает хозяйственный отдел, сходить туда, посмотреть, что там есть. В моем блокноте остается все меньше страниц, другой бумаги тоже немного, надо искать, в мусорках нет, сколько не смотрел, только мелкие кусочки, обертка. В крайнем случае буду рвать обои, в те времена еще бумажные клеили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.